

Девы

Автор:

[Алекс Михаэлидес](#)

Девы

Алекс Михаэлидес

Главный триллер года

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА № 1 В МИРЕ «БЕЗМОЛВНЫЙ ПАЦИЕНТ»

МОМЕНТАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Завораживающий литературный триллер, сплетающий воедино греческую мифологию, психологию и убийство...

Эдвард Фоска – убийца. В этом Мариана уверена. Харизматичный красавец-профессор преподает курс греческой трагедии в Кембридже. Его обожают коллеги и студенты – особенно студентки из тайного общества «Девы», готовые на все ради своего наставника. Ведомые мистическими учениями профессора, девушки устраивают оккультные игрища и ритуальные обряды. И вскоре одну из них находят мертвой с перерезанным горлом и выколотыми глазами...

Мариана Андрос – талантливый психотерапевт с посттравматической депрессией из-за гибели мужа. Она ясно видит: Эдвард Фоска – нарциссичный социопат, умело манипулирующий людьми. Есть что-то зловещее в его одержимости культом Персефоны*, спустившейся, согласно мифу, в царство мертвых. И смерть студентки – буквальное воплощение путешествия богини-девы в загробный мир. Эдвард Фоска – убийца. Осталось это доказать...

*Персефона – богиня плодородия и царства мертвых в греческой мифологии. По легенде, она вынуждена треть года проводить под землей, со своим мужем Аидом, а две трети – на земле, с матерью Деметрой. Миф символизирует смену времен года.

«Восхитительно мрачное, элегантное, крайне влекущее чтение – с неожиданным поворотом в конце, просто поразившим меня. Этот роман понравился мне даже больше, чем "Безмолвный пациент", – а это говорит о многом!» – Люси Фоли

«Этот роман – пейдж-тернер высшего уровня». – Дэвид Болдаччи

«Просто блестяще. Захватывающее чтение, когда сердце бьется где-то в горле». – Стивен Фрай

«Михаэлидес – главный игрок на этом поле». – Publishers Weekly

«Элегантный, зловещий, стильный и захватывающий, этот роман является ответом на вопрос, как соответствовать своему предшественнику – одному из лучших триллеров последнего десятилетия. Ответ: надо просто написать что-то лучшее». – Крис Уитакер

Алекс Михаэлидес

Девы

Софи Ханне, вселившей в меня мужество следовать собственным убеждениям

Пой, как верил, как любил,

Пой про дерзких удальцов,

До разверстия могил

И до пляски мертвецов[1 - Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев: стихотворный перевод Е. Пальвановой.].

Альфред Теннисон «Видение греха»

Alex Michaelides

THE MAIDENS

© Alex Michaelides 2021

© Пальванова Е.М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Эдвард Фоска – убийца.

Это неоспоримый факт. Не просто идея, воспринимаемая разумом, а непреложная истина, которую Мариана чувствовала нутром, каждой клеточкой своего тела. Осознание этого текло по венам, проникало в костный мозг.

Эдвард Фоска виновен.

Однако сейчас Мариана не может его изобличить. Не исключено, что этот человек, это чудовище, убившее по меньшей мере двоих, выйдет сухим из воды.

Какой же он самодовольный и самонадеянный! Воображает, что всех перехитрил...

Он ошибается. Борьба еще не окончена.

Мариана обязана его переиграть. У нее нет другого выхода.

Она ночь напролет будет сидеть здесь, в маленькой комнатухе в Кембридже, анализируя произошедшее. Будет ломать голову, пока что-нибудь не придумает.

Мариана уставилась на пылающую в темноте красную обогревательную панель на стене, пытаясь ввести себя в состояние, подобное трансу.

Она прокрутит в уме все события, припомнит все до мельчайших подробностей.

И поймает Эдварда Фоску.

Часть I

Я никогда не думал, что горе похоже на страх.

К. С. Льюис. «Боль утраты. Наблюдения»

1

Во вторник вечером Мариана сидела на полу в окружении коробок и в очередной раз пыталась разобрать вещи Себастьяна.

Работа не двигалась. Со дня его смерти прошел год, а пожитки до сих пор валялись тут и там, частично сложенные в стопки, частично рассованные по полупустым коробкам. Мариана никак не могла завершить начатое.

А все потому, что до сих пор любила Себастьяна. Конечно, он ушел навсегда, но Мариана была не в силах его забыть. Непонятно, что делать с этой любовью, огромной и нескончаемой, которая высыпается из сердца, как наполнитель из тряпичной куклы, когда та рвется по швам.

Если б и любовь можно было упаковать так же, как одежду... Подумать только: жизнь человека свелась к вороху никому не нужных вещей, приготовленных для распродажи. Жалкое зрелище.

Потянувшись к ближайшей коробке, Мариана вытащила старые зеленые кроссовки. В них Себастьян любил бегать по пляжу. Кроссовки до сих пор до конца не просохли, к подошвам прилип песок.

«Выкини их. Давай же», – приказала себе Мариана, хотя и осознавала, что сделать это выше ее сил. Конечно, сами по себе кроссовки – всего лишь старое барахло. Они не заменят ей Себастьяна – человека, которого она любила и будет любить вечно. И все же расстаться с ними было слишком больно. Все равно что самой сре?зать кусок кожи со своей руки.

Мариана прижала кроссовки к груди, баюкая их, как младенца, и зарыдала.

Как же это случилось?

Всего за год – время, которое раньше пролетело бы незаметно, а теперь тянулось и тянулось, словно опустевшая после сокрушительного урагана долина, – в ее жизни произошли роковые перемены. В тридцать шесть лет, одинокая и захмелевшая в этот субботний вечер, она цеплялась за кроссовки, как за священную реликвию. Впрочем, для Марианы они действительно приобрели сакральное значение.

Умерло что-то прекрасное, что-то святое. Остались лишь книги, которые читал Себастьян, одежда, которую он носил, и вещи, к которым прикасался. Они еще хранили его запах. А Мариана до сих пор помнила вкус его губ...

Потому-то она и не могла выкинуть его пожитки: те хоть как-то, хоть чуть-чуть связывали ее с Себастьяном. Без них эта связь пропадет окончательно и бесповоротно.

В книге «Скорбь и меланхолия» Фрейд писал, что при потере близкого необходимо психологически принять утрату, иначе горе может обрести патологический характер и переродиться в то, что Фрейд называл «меланхолией», то есть в депрессию.

Мариана понимала, что должна смириться с гибелью Себастьяна, но не могла, потому что любила его. Любила, пусть он и ушел навеки, исчез за пеленой. За пеленой, за пеленой... откуда эта строчка? Кажется, из стихов Теннисона.

За пеленой.

Мариана и сама очутилась за пеленой. С тех пор как Себастьян умер, все краски вокруг поблекли, звуки стали приглушенными. Жизнь сделалась тусклой и серой, словно ее накрыла пелена – завеса из тоски и печали.

Мариане хотелось отгородиться от шумного мира, полного боли. Укрыться здесь, в их маленьком желтом домике в Лондоне, и с головой уйти в работу.

Тут бы она и оставалась, если б как-то октябрьским вечером из Кембриджа не позвонила Зои.

Все началось в четверг, после сеанса групповой психотерапии.

2

Каждый четверг, по вечерам, Мариана собирала своих пациентов в кабинете психотерапии, под который она отвела просторную гостиную в их доме, как только они с Себастьяном сюда переехали.

Им очень понравился этот солнечно-желтый домик на северо-западе Лондона. И расположенный рядом парк Примроуз-Хилл с растущими повсюду такими же яркими примулами. И побеги жимолости, увивавшие стены и в теплое время года источавшие дивный запах. Сладкий аромат белых лепестков проникал через раскрытые окна внутрь помещений, заполняя каждую комнату, каждый коридор.

Хотя было уже начало октября, вечер выдался не по-осеннему теплый. Листья вовсю облетали, однако бабье лето не уходило, словно бесцеремонный гость на вечеринке, в упор не понимающий намеков на то, что пора и честь знать. Лучи низкого солнца заливали гостиную золотисто-оранжевым светом. Перед сеансом Мариана опустила жалюзи, но приоткрыла створки окон, чтобы не было душно.

Затем она расставила по окружности девять стульев, по одному для каждого пациента и для себя. Хотя теоретически стулья должны были быть одинаковыми, на практике Мариана пренебрегала этим требованием. За годы

работы у нее скопилось множество всевозможных стульев, различавшихся по форме и размеру и изготовленных из разных материалов.

Эта небрежность в подборе стульев отражала ее спокойный, неформальный, нетрадиционный подход к работе.

Даже странно, что Мариана стала психотерапевтом, да еще решила специализироваться на групповых сеансах. Скопления людей вызывали у нее противоречивые чувства. Она всегда относилась к ним настороженно.

Мариана выросла в Греции, на окраине Афин. Ее семья жила в просторном старом доме на вершине холма, поросшего тенистыми оливковыми деревьями. В детстве Мариана часто сидела в саду на ржавых качелях и с суеверным страхом обзревала раскинувшийся внизу от колонн Парфенона до подножия другого холма древний город. Он выглядел настолько огромным, даже бесконечным, что по сравнению с ним Мариана чувствовала себя крошечной и ничтожной.

Она побаивалась ходить с экономкой за покупками на шумный базар в центре Афин. И, вернувшись, вздыхала с облегчением, удивляясь, что ей удалось остаться невредимой.

Массы людей продолжали пугать ее и в более старшем возрасте. В школе Мариана держалась обособленно, в стороне от одноклассников, считая себя в их компании лишней. От этого ощущения сложно было избавиться. Много лет спустя, проходя курс психотерапии, Мариана поняла, что просто переносила на другие сообщества свои семейные проблемы. То есть дело было не в рынке, не в школьном или любом ином коллективе, а в деструктивных взаимоотношениях в ее семье и постоянном чувстве одиночества.

Несмотря на жаркий, солнечный климат Греции, в их доме не хватало теплоты в прямом и в переносном смысле слова. Там всегда было холодно и пусто, во многом по вине отца Марианы – незаурядного, умного и влиятельного человека, который, однако, обладал весьма тяжелым характером.

Мариана предполагала, что таким его сделало трудное детство. Она ни разу не встречалась с родителями отца, и тот о них предпочитал не распространяться. Мариана знала лишь, что ее дед служил во флоте, а бабушка работала в порту. Отец упомянул об этом вскользь и с таким стыдом, что Мариана забеспокоилась,

уж не была ли та проституткой.

Ее отец вырос в афинских трущобах, в районе Пирейского порта. Еще в детстве начал выходить в плавание с моряками, быстро приобщился к торговле кофе, зерном и, как подозревала Мариана, различной контрабандой. К двадцати пяти годам он обзавелся собственной лодкой, занялся бизнесом и впоследствии, пройдя по головам, потом и кровью создал некое подобие империи.

Мариане отец слегка напоминал короля, а точнее, тирана. Позже она узнала, что он был сказочно богат, хотя жили они скромно, по-спартански. Возможно, мама Марианы, англичанка, нежная и деликатная, смягчила бы суровый нрав отца, но она трагически погибла совсем молодой, почти сразу после рождения дочери.

Мариана росла, испытывая острое чувство потери. Как и любой психотерапевт, она знала: отношение ребенка к самому себе формируют его родители. Малыш видит себя их глазами. К несчастью, глаза ее мамы закрылись навеки, а отец... отец, скажем так, вообще редко замечал дочь. Обращался к ней, разве что небрежно оглядываясь через плечо. Мариана лезла из кожи вон, чтобы оказаться в поле его зрения; увы, отец всегда отворачивался.

Лишь изредка на нее падал его взгляд, полный пренебрежения и горького разочарования, по которому становилось ясно: Мариана не оправдала надежд отца. Как ни старалась, она не могла ему угодить. Все время что-то не так делала или говорила и, казалось, раздражала его самим своим существованием.

Он ни в чем с ней не соглашался, был для нее как Петруччо для Катарины[2 - Речь идет о героях комедии Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой». - Здесь и далее прим. пер.]: если Мариана утверждала, что сегодня холодно, возражал, что жарко; если замечала, что ярко светит солнце, настаивал, что идет дождь. Однако, несмотря на его привычку постоянно критиковать дочь и во всем ей противоречить, Мариана все равно обожала отца - единственного родного человека - и хотела стать достойной его расположения.

В детстве Мариана была лишена любви. Со старшей сестрой ее разделяла семилетняя разница в возрасте. Девочки не были близки: Элиза не замечала застенчивую младшую сестренку. Поэтому та проводила долгие летние дни в одиночестве, играя в саду под строгим надзором няньки.

Вполне закономерно, что Мариана выросла замкнутой. Ей тяжело давалось общение с людьми, так что она сама удивлялась, как ее угораздило стать психотерапевтом.

Вопреки всему, эта черта нисколько не мешала, а наоборот, помогала в работе. Ведь хороший врач, занимаясь групповой психотерапией, должен неустанно наблюдать за лечебным процессом и направлять его в нужное русло, оставаясь в тени.

У Марианы это прекрасно получалось.

Во время групповых сеансов она старалась не привлекать к себе внимания и брала на себя инициативу, только если надо было что-то объяснить, поддержать угасающий разговор или разрешить конфликт.

В тот четверг между пациентами почти сразу вспыхнула ссора, потребовавшая вмешательства Марианы. А виноват был, как всегда, Генри.

3

Генри Бут явился позже остальных. Красный и запыхавшийся, он к тому же нетвердо держался на ногах. Мариана не удивилась бы, узнав, что он под кайфом или вообще злоупотребляет прописанными ему наркотическими и психотропными препаратами.

Генри выглядел старше своих тридцати пяти лет. В рыжеватых волосах проблескивала седина, а вечно хмурое морщинистое лицо казалось таким же мятым, как и рубашка. Постоянно напряженный, словно натянутая струна, он напоминал Мариане бойца или боксера, в любой момент готового ответить ударом на удар.

Коротко и неохотно извинившись за опоздание, Генри сел на стул, держа в руках картонный стаканчик с кофе.

Вот этот-то стаканчик и стал яблоком раздора.

Семидесятилетняя Лиз не замедлила высказаться. В прошлом школьная учительница, она была глубоко убеждена, что все надо делать, по ее собственному выражению, «как подобает». Мариана, которую Лиз утомляла и даже раздражала, сразу догадалась, о чем пойдет речь.

– Это запрещено! – Лиз дрожащим от негодования пальцем указала на стаканчик с кофе. – Всем известно, что нельзя ничего приносить с собой на сеансы.

– Почему нельзя? – буркнул Генри.

– По правилам!

– Отвали, Лиз.

– Что?! Мариана, вы слышали, как он мне нагрубил? – И Лиз расплакалась.

Их размолвка быстро переросла в открытое противостояние между Генри и остальными членами группы. Все, объединившись, выступили против него.

Мариана внимательно следила за тем, как Генри реагирует на происходящее, готовая при необходимости прийти ему на помощь. При всей своей бравате он был глубоко уязвимым, ранимым человеком. В детстве Генри страдал от жестокого насилия и чудовищных издевательств со стороны отца, которого в итоге лишили родительских прав. После этого ребенка несколько раз перемещали из одной приемной семьи в другую.

Несмотря на серьезную психическую травму, Генри вырос поразительно умным и рассудительным. Поначалу казалось, что это поможет ему наладить свою жизнь. В восемнадцать он поступил в университет, чтобы изучать физику. Однако всего через несколько недель прошлое настигло Генри: он пережил сильнейший нервный срыв, от которого так и не смог оправиться. За первым срывом последовали другие. Генри пристрастился к наркотикам, сам себе причинял увечья и мотался по больницам, пока психиатр не направил его на групповую психотерапию.

Мариана симпатизировала Генри, сочувствуя его злоключениям. Тем не менее она колебалась, принимать ли такого пациента в группу. Дело в том, что его

психические проблемы были куда сложнее и серьезнее, чем у остальных. Нередко групповая терапия сдерживает развитие болезни у таких, как Генри, и благотворно на них влияет. Однако сами они способны рассорить всех членов созданного коллектива, поскольку часто вызывают зависть и раздражение у людей не только во внешней среде, но и внутри замкнутого сообщества.

Генри присоединился к сеансам психотерапии несколько месяцев назад. Вместе с ним пришли распри и ссоры. В нем ощущались скрытая агрессия и едва сдерживаемый клопочущий гнев.

Мариана не привыкла сдаваться и была готова работать с Генри, пока способна сохранять контроль над группой, в целительную силу которой верила всей душой. Верила в каждого из восьми пациентов, рассеявшихся в круг. Верила в сам круг, придавая ему мистическое значение. Солнце, Луна и Земля выглядят как круг, по кругу вращаются планеты в космосе, колесо – круглое, так же как и купол церкви, и свадебное кольцо. Круг – символ души: еще Платон называл ее сферой, и Мариана была с ним согласна. Жизнь – тоже круг, не правда ли? От рождения и до смерти.

При успешной работе психотерапевта с группой происходит чудо: появление самостоятельного организма – коллективного духа, коллективного разума; можно сказать, высшего разума, более сильного и мощного, чем разум отдельного человека. Объединившись, группа способна исцелять, поддерживать, награждать мудростью.

За время своей практики Мариана много раз лично убеждалась в силе группы. В ее гостиной пациенты жаловались на то, что их беспокоит или пугает, и сеансы групповой психотерапии помогали им справиться с проблемами.

Сегодня настал черед Лиз высказываться. То, что Генри принес стаканчик с кофе, вызвало у нее сильнейшее неприятие. Он выказал пренебрежение к коллективу и установленным правилам. Это так ее возмутило, что она долго не могла прийти в себя. В какой-то момент Лиз осознала: Генри безумно напоминает ей старшего братца, самоуверенного хулигана и задиру. Подавленный в прошлом гнев на брата начал вскипать и выплескиваться. Это было бы даже хорошо – Мариана понимала: Лиз должна излить накопившиеся чувства, чтобы не держать их в себе, – если б Генри безропотно согласился стать козлом отпущения.

Но он, конечно, был против.

Внезапно Генри с истерическим воплем вскочил на ноги и швырнул стаканчик на пол, в середину круга. От удара крышка слетела, и по половицам начала растекаться темная кофейная лужа.

Остальные члены группы возбужденно зашумели, а Лиз снова разрыдалась. Генри хотел уйти, но Мариана убедила его остаться и обсудить произошедшее.

– Черт возьми, это всего лишь кофе! Зачем было поднимать такую бучу? – с детской обидой недоумевал Генри.

– Дело не в кофе, а в установленных ограничениях, в принятых нами правилах. Мы ведь об этом уже говорили. Во время сеансов все должны быть уверены в своей полной безопасности. Ограничения дают нам чувство защищенности, поэтому без них нельзя проводить психотерапию.

До Генри явно не доходило, в чем, собственно, проблема, и Мариана знала почему. Когда ребенок сталкивается с насилием, все существовавшие в его восприятии ограничения рушатся. Еще в детстве Генри лишился представления о любых правилах, на которые мог бы опереться, поэтому вообще не мог уяснить, что это такое.

Точно так же он не подозревал, что часто нарушает личное пространство других людей – например, когда слишком близко подходит к ним во время разговора. Что окружающим с ним некомфортно.

Генри нуждался в Мариане сильнее, чем любой другой пациент. До сих пор она еще ни разу не сталкивалась с такой проблемой. Генри постоянно хотел быть с ней рядом. Наверное, он с радостью переехал бы к ней, если б она позволила. Мариана как его психотерапевт сама должна была установить между ними определенную дистанцию, устроить так, чтобы их отношения развивались в нужном направлении.

Однако Генри постоянно цеплялся к ней, поддевал, изо всех сил привлекал к себе внимание... и Мариане было все труднее удерживать его в рамках дозволенного.

После сеанса Генри задержался якобы для того, чтобы помочь убрать кофейную лужу. Мариана понимала: это лишь очередной благовидный предлог, чтобы остаться с ней наедине.

Он топтался рядом, не сводя с нее глаз. Она помогла ему начать разговор.

– Ну что же, Генри, вам пора. Или вы что-то хотели?

Генри молча кивнул и полез в карман.

– Я вам кое-что принес. Вот. – Он вытащил и протянул Мариане аляповатое ярко-красное пластиковое кольцо – наподобие тех, что вылетают из рождественских хлопушек. – Это вам. Подарок.

Мариана покачала головой.

– Вы же знаете, я не могу его принять.

– Почему?

– Не нужно мне ничего дарить, Генри. Договорились? А сейчас вам действительно лучше уйти.

Генри не двинулся с места. Мариана на секунду задумалась. Она не собиралась сегодня расставлять все точки над «і», но теперь решила, что правильнее все-таки прояснить ситуацию.

– Вот что, Генри, мне нужно кое о чем с вами поговорить, – начала она.

– О чем?

- В понедельник вечером я выглянула в окно, после того как закончила работать с группой. И увидела, что вы стоите на другой стороне улицы, рядом с фонарем, и наблюдаете за мной.

- Вы меня с кем-то спутали.

- Нет, это были именно вы. Я хорошо рассмотрела ваше лицо. И уже не в первый раз замечаю, как вы следите за моим домом.

Генри густо покраснел и, отведя взгляд, покачал головой.

- Это не я... я не...

- Послушайте, я понимаю: вам интересно, как я работаю с другими группами. Но удовлетворять свое любопытство таким образом - ненормально. Мы уже обсуждали это на наших сеансах, Генри. Нельзя за мной шпионить. Ваши преследования меня пугают, вы вторгаетесь в мою личную жизнь и...

- Я не шпионил, черт побери! Я просто там стоял. И что с того?!

- То есть вы признаете, что там стояли?

Генри шагнул к ней.

- Почему мы не можем нормально общаться? Почему вы воспринимаете меня только как элемент группы, а не как человека?

- Вы сами знаете. При групповой психотерапии вы для врача - член группы, а не отдельная личность. Если вам нужна индивидуальная психотерапия, могу порекомендовать коллегу...

- Мне нужна ты! - Генри сделал еще шаг вперед.

Мариана, не отступая, вытянула перед собой руку.

- Стойте! Вы и так подошли чересчур близко. Генри...

- Подожди. Взгляни...

Прежде, чем она успела его остановить, Генри поднял край толстого черного свитера, обнажая безволосый торс, и Мариане открылось ужасающее зрелище.

Бледная кожа была сплошь исполосована бритвенным лезвием. На груди и животе пестрели нанесенные крест-накрест порезы разных размеров. Некоторые, совсем свежие, еще кровоточили. Другие, уже заживающие, покрылись струпьями, напоминающими застывшие кровавые слезинки.

Мариану затошнило от отвращения. Разумеется, поступок Генри – крик о помощи, попытка добиться ее внимания. Но вместе с тем это еще и психологическая атака, жестокое нападение на ее чувства. К собственной досаде, Мариана вынужденно признала, что Генри удалось-таки задеть ее за живое, вывести из равновесия.

- Генри, что вы наделали?

- Я... я не удержался. Не смог. А ты... ты обязана была это увидеть...

- Ну вот, увидела. Вообразите, как это на меня повлияло. Вы хоть представляете, до чего я расстроена? Я хотела вам помочь, но...

Генри захохотал.

- Что – но? Что же тебе помешало?

- Как психотерапевт я должна оказывать вам поддержку во время групповых сеансов. Сегодня была такая возможность, однако вы ее упустили. Мы все могли бы помочь вам, Генри. Для того мы и собираемся...

- Зачем мне все? Мне нужна ты! Я хочу быть с тобой!

Мариана понимала, что надо выдворить Генри из дома и отправить к врачу. Обработка физических ран не входит в ее обязанности. Необходимо быть последовательной и непреклонной – и ради себя, и ради него. Но у Марианы не хватало духу его выгнать. Уже не в первый раз сострадание одержало верх над

здравым смыслом.

- Пойдите... погодите секундочку.

Мариана подошла к комоду и выдвинула ящик. Порывшись в нем, достала аптечку, но раскрыть ее не успела: зазвонил телефон. Мариана взглянула на экран. На нем высветился номер Зои.

- Да, Зои?

- Ты не занята? Дело очень важное...

- Подожди немножко. Я перезвоню. - Мариана положила трубку и сунула Генри аптечку. - Вот, возьмите. Обработайте порезы. Если нужно, сходите к врачу. Ладно? Завтра поговорим.

- И всё? Да какой ты, к черту, психотерапевт после этого!

- Хватит. Прекратите. Вам пора.

Не обращая внимания на его протесты, Мариана решительно вытолкала Генри в коридор и, выставив за порог, захлопнула дверь. Поборов острое желание запереться на все замки, в расстроенных чувствах прошла в кухню и вытащила бутылку вина «Совиньон блан». Надо как-то взять себя в руки, прежде чем перезванивать Зою. На девочку и так много навалилось.

Смерть Себастьяна внесла в их отношения некоторую натянутость, и Мариана стремилась это исправить. Она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, и, налив себе полный бокал, набрала номер.

Зоя ответила после первого же гудка.

- Мариана?

По ее тону Мариана сразу же догадалась: что-то произошло. В голосе Зои слышались напряжение и беспокойство. Похоже, она напугана.

Сердце Марианы забилося чаще.

– Милая, у тебя всё в порядке? Что случилось?

– Включи телевизор, – помолчав, тихо откликнулась Зои. – Посмотри новости.

5

Мариана потянулась за пультом и включила примостившийся на микроволновке старенький, выдавший виды портативный телевизор – одну из реликвий, оставшихся после Себастьяна. Тот купил телевизор, еще будучи студентом, чтобы по выходным смотреть крикет и регби во время приготовления обеда. Точнее, обед готовила Мариана, а Себастьян делал вид, что помогает.

Телевизор барахлил, и экран несколько раз мигнул, прежде чем возникло изображение. Мариана выбрала новостной канал BBC.

Журналист средних лет вел репортаж с места происшествия, где-то на природе. Уже смеркалось, и Мариана не могла толком разглядеть, где именно. Судя по всему, посреди какого-то поля или луга.

– ...найден в Кембридже, в заповеднике «Пэрэдайз», – вещал журналист. – С нами рядом находится человек, поднявший тревогу. Расскажите, пожалуйста, что произошло, – попросил он кого-то, стоявшего вне видимости.

Камера повернулась, и в кадре появился нервный коротышка лет шестидесяти с покрасневшим лицом. Он растерянно моргнул, словно от яркого света, и сбивчиво забормотал:

– Несколько часов назад... я, как обычно, выгуливал в «Пэрэдайзе» собаку... примерно в четыре... может, в четверть пятого или двадцать минут... Мы шли вдоль реки по тропинке... там берег такой болотистый... и вдруг... – Он запнулся, не закончив фразы, и заговорил снова: – Мой пес... убежал куда-то в траву и не возвращался, как я его ни звал. Я подумал, что он погнался за какой-нибудь лисой или птицей, и пошел за ним. А там, у самой воды...

Мужчина как-то странно выпучил глаза. Мариана прекрасно понимала, что означает такое выражение лица. «Увидел что-то ужасное, – промелькнуло у нее в голове. – Не хочу ничего слышать. Не хочу знать, что случилось».

– Там лежала девушка... лет двадцати, не старше... – Мужчина торопился, желая выговориться. – Волосы до плеч... кажется, рыжие... Вся в крови... все вокруг залито кровью...

Он умолк, и журналист задал наводящий вопрос:

– Ее убили?

– Да, ударили ножом... Много раз... Не могу сказать, сколько именно. У нее было такое лицо... это ужасно... ее глаза... глаза распахнуты. Всё смотрят, смотрят...

Его голос сорвался, по щекам потекли слезы. «Он в шоке, – профессионально отметила его состояние Мариана. – Нельзя брать у него интервью. Кто-то должен это прекратить».

Видимо, осознав, что дело зашло слишком далеко, журналист закончил расспросы и снова возник в кадре.

– Последние новости из Кембриджа: полиция приступает к расследованию убийства. Жертвой стала девушка лет двадцати...

Мариана выключила телевизор и несколько мгновений в ступоре таращилась на погасший экран, не в силах шевельнуться. Вспомнив, что все еще сжимает в руке телефон, она поднесла его к уху.

– Зои, ты тут?

– Мне... мне кажется, это Тара.

– Что?!

Тара была однокурсницей и близкой подругой Зои. Они обе учились в Кембриджском университете, в колледже Святого Христофора. Мариана помедлила, стараясь подавить беспокойство в голосе.

- Почему ты так думаешь?

- По описанию похоже... и она не попадалась никому на глаза... со вчерашнего дня. Я у всех спрашиваю, не знает ли кто-нибудь, где она, и мне... мне так страшно... Ума не приложу, что теперь...

- Тише, тише. Когда ты в последний раз с ней виделась?

- Вчера вечером. И она... - Зои запнулась. - Мариана, она очень странно себя вела. Я...

- Странно? Что ты имеешь в виду?

- Она... она говорила такое, что с ума можно сойти...

- Что именно?

На секунду повисла тишина. Затем Зои шепнула:

- Я не могу сейчас объяснить... Ты приедешь?

- Обязательно! Зои, послушай, ты поставила в известность руководство колледжа? Ты должна им все рассказать! Пойди к декану...

- А что я ему скажу?

- То же, что и мне. Что ты волнуешься за Тару. Они свяжутся с полицией, с родителями Тары...

- С родителями? Но... но вдруг я ошибаюсь?

– Ну конечно ошибаешься! – ответила Мариана с подчеркнутой уверенностью, которой на самом деле не ощущала. – Наверняка с Тарой все хорошо, но удостовериться все-таки надо. Ты же сама понимаешь, правда? Если хочешь, я могу позвонить в колледж вместо тебя...

– Нет-нет, всё в порядке, я схожу к декану.

– Вот и молодец. А потом ложись спать, ладно? Я завтра приеду.

– Спасибо, Мариана. Я люблю тебя.

– И я тебя.

Мариана положила трубку. Подхватив позабытый нетронутый бокал, залпом выпила вино и дрожащей рукой снова потянулась за бутылкой.

6

Мариана поднялась на второй этаж и начала паковать небольшую сумку, на случай если придется на пару дней задержаться.

Где-то там, в Кембридже, скрывается человек – скорее всего, мужчина, – который, судя по его чудовищной жестокости, опасно болен. Он зверски убил девушку... а она жила совсем рядом с ее дорогой Зои... возможно, в соседней комнате.

Мариана упорно отгоняла мысль о том, что на месте Тары могла оказаться Зои. От ужаса на нее то и дело накатывала дурнота. Так страшно ей было только раз: когда умер Себастьян. В тот день она чувствовала такое же приводящее в отчаяние бессилие, беспомощность и неспособность защитить того, кого любишь.

Мариана заметила, что у нее трясутся руки, и стиснула кулаки. Она не поддастся паническому страху, не позволит себе утратить самообладание. Сейчас не время. Необходимо сосредоточиться и сохранять спокойствие.

Зои нуждается в ней, и это главное.

Как жаль, что рядом нет Себастьяна... Он сразу принял бы верное решение. Не стал бы колебаться и укладывать вещи, а схватил бы ключи и немедленно помчался к Зои. Несомненно, так бы он и поступил. А она почему не может?

«Потому что ты трусиха», – ответила Мариана самой себе.

Да, она трусиха. Если б у нее была хоть крупица храбрости мужа, хоть частичка его силы духа... Словно наяву Мариана услышала слова Себастьяна: «Ну же, любимая, возьмемся за руки и вместе дадим отпор этим уродам».

Мариана улеглась в постель. Впервые ее последняя мысль перед тем, как уснуть, была не о покойном муже, а о другом мужчине. Веки дрогнули и сомкнулись. Проваливаясь в сон, она представляла себе темную фигуру с ножом – убийцу, который так жестоко расправился с бедной девушкой. Мариана гадала, кто он, где сейчас находится, чем занимается... и о чем думает.

7

7 октября

После того как убьешь человека, пути назад уже нет.

Теперь я это понимаю. Понимаю, что стал совершенно другим.

Наверное, это похоже на перерождение. Точнее, на превращение. С обычным появлением на свет оно не имеет ничего общего. Из пепла восстает не феникс, а уродливый, отвратительный хищник, не способный взлететь, готовый резать и рвать когтями.

Сейчас, когда пишу эти строки, я нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Я полностью отдаю себе отчет в том, что делаю.

Но в собственном теле я не один. Пройдет какое-то время, и мой безумный, кровожадный двойник, жаждущий мести, воспрянет. И не уgomонится, пока не достигнет цели.

Я словно раздвоился изнутри. Часть меня знает правду и сохраняет мои тайны, но она пленница в моем разуме: заперта, подавлена, лишена права голоса. Она оживает, только если надзиратель отвлекается. Когда я пьян или засыпаю, все то доброе, что есть во мне, пытается достучаться до моего сознания. Это непросто: речь пленницы доходит до меня в зашифрованном виде, как послание с планом побега. Однако стоит мне начать прислушиваться к ее голосу, как между нами вырастает непреодолимая стена, и его заглушает спохватившийся тюремщик. В голове сгущается туман, и я, как ни противлюсь, забываю то, что услышал.

Но я не сдамся. Я должен бороться. Во что бы то ни стало я пробьюсь сквозь тьму и черный дым к той части себя, которая не утратила здравомыслия и не хочет никому вредить. Она многое сможет мне объяснить, и я наконец пойму, почему стал таким, а не тем, кем мечтал стать, почему во мне столько ненависти и гнева, откуда взялось это желание причинять боль...

Или я лгу самому себе? Может, в сущности, я всегда был таким, просто не способен это признать?

Нет, ни за что не поверю.

В конце концов, каждому должно быть позволено в глубине души считать себя благородным героем. И мне тоже. Хотя я вовсе не герой.

Я злодей.

8

На следующее утро при выходе из дома Мариане померещилось, что на другой стороне улицы за деревом мелькнул Генри.

Она присмотрелась внимательнее. Там никого не было. «Наверное, показалось», – решила Мариана. А даже если нет, у нее сейчас есть более насущные проблемы. Выкинув из головы мысли о Генри, Мариана спустилась в метро и, добравшись до вокзала Кингс-Кросс, села на скорый поезд до Кембриджа.

Расположившись у окна, она глядела на высаженные вдоль железнодорожных путей кусты, на поля золотистой пшеницы, по которым от легкого ветерка, как по морю, прокатывалась рябь. День выдался ясный и теплый, в синем небе – всего пара облачков. Солнечные лучи падали Мариане прямо на лицо, и она была этому рада: ее бил озноб. От страха. Что же стряслось в Кембридже?

Мариана не общалась с Зои со вчерашнего дня. Утром отправила ей эсэмэску, но ответа пока не получила.

Может, Зои ошибается и все это – ложная тревога?

Мариана искренне надеялась, что так и есть. И не только потому, что лично знала Тару (за несколько месяцев до смерти Себастьяна та две недели гостила у них в Лондоне). Мариану больше беспокоило, как эта ситуация отразится на Зои.

В школьные годы Зои пришлось нелегко: слишком много на нее навалилось. И все же она справилась. Причем не просто справилась, а, как выразился Себастьян, с успехом все преодолела и даже поступила в один из колледжей Кембриджского университета на отделение английской филологии.

Тара была первой, с кем Зои там подружилась. Мариана боялась, что потеря подруги, да еще при таких трагических обстоятельствах, нанесет Зои тяжелейшую травму.

После вчерашнего звонка Мариану не оставляла смутная тревога. Что-то ее насторожило, но она не могла уловить, что именно.

Возможно, невнятная интонация Зои? Мариане почудилось, что та что-то недоговаривает. Девушка явно избегала подробностей странного разговора с Тарой и, похоже, пыталась увильнуть от ответа.

«Я не могу сейчас объяснить».

Почему?

Что именно Тара ей сказала?

«Хватит себя накручивать», – мысленно велела себе Мариана. Вероятно, для волнения вообще нет никаких поводов. До Кембриджа ехать еще целый час. Если так пойдет и дальше, к концу пути она доведет себя до нервного истощения. Надо отвлечься.

Мариана раскрыла сумочку и, достав научный журнал по психиатрии, принялась его листать. Но не смогла сосредоточиться на чтении. Мысли, как всегда, перескочили на Себастьяна.

Страшно представить, каково это – очутиться в Кембридже без него. После смерти мужа она еще ни разу там не появлялась.

Раньше они часто навещали Зою вдвоем. У Марианы остались об этих поездках самые теплые воспоминания. Тот день, когда они помогали Зои перебраться в Кембридж и распаковать вещи, – наверное, один из самых счастливых в их семейной жизни. Мариану и Себастьяна, словно заботливых родителей, переполняла гордость за Зою. Когда они собирались уезжать, та казалась очень маленькой и беззащитной. Во время прощания Себастьян смотрел на нее с нежностью, любовью и долей беспокойства, как на собственную дочку. Впрочем, в каком-то смысле Зою и впрямь можно было считать их ребенком.

Им не хотелось покидать Кембридж, поэтому, выйдя от Зою, Мариана и Себастьян отправились гулять под ручку вдоль реки, как в студенческие времена. Поскольку оба учились в Кембридже, их роман был неразрывно связан и с этим университетом, и с городом. Именно здесь их свела судьба. В ту пору Мариане было всего девятнадцать.

Их знакомство произошло совершенно случайно, ничто его не предвещало. Они учились в разных колледжах: Себастьян – на экономическом факультете, а Мариана – на филологическом.

Ее пугала мысль о том, что они с Себастьяном могли так и не встретиться. Интересно, как бы тогда сложилась ее жизнь? Лучше или хуже?

Мариана постоянно воскрешала в уме минувшее, пытаясь воссоздать все до мельчайших деталей, чтобы понять и осмыслить тот жизненный путь, который прошли они с Себастьяном. Припоминала все их привычки, все разговоры. Воображала, что Себастьян сказал или сделал бы на ее месте. Но сомневалась, достоверны ли эти воспоминания. Чем больше она думала о прошлом, тем дальше отдалялся Себастьян. Сейчас он стал для нее фактически мифом. Духом, а не человеком.

Мариана перебралась в Англию в восемнадцать лет. В ее восприятии эта страна всегда была окутана ореолом романтики. Да иначе и быть не могло, если учесть, какое богатое наследие оставила ее мама в их доме в Афинах: еще до рождения Марианы там чудесным образом скопилась целая библиотека. В каждой комнате в шкафах и на полках лежали английские книги: романы, пьесы, поэтические сборники.

Мариана с умилением представляла, как мама приезжает в Афины с сундуками и чемоданами, заполненными не одеждой, а литературой. Потеряв мать, Мариана страдала от одиночества и находила утешение в компании маминых книг. В те долгие дни, проведенные за чтением, она полюбила притрагиваться к книжным переплетам, перелистывать страницы, вдыхать запах бумаги. Садилась на ржавые качели в тени деревьев и, жуя сочное зеленое яблоко или перезрелый персик, с головой погружалась в очередную увлекательную историю.

Благодаря этим книгам она обожала Англию и все, что с ней связано: летние дожди и влажную листву, ивы и цветущие яблони, извилистые реки и деревенские пабы с пылающим в камине огнем. Вполне возможно, такая Англия существовала лишь на книжных страницах, но для Марианы это была страна «Великолепной пятерки» и «Грозового перевала», Питера Пэна и Венди, короля Артура и Камелота, Джейн Остин, Шекспира и Теннисона.

Именно тогда, еще в детстве, в жизнь Марианы вошел Себастьян. Как это бывает с благородными героями, его появление предчувствовалось задолго до их знакомства. Мариана не знала, как выглядит ее прекрасный принц, но не сомневалась, что он существует и когда-нибудь они встретятся.

Спустя несколько лет она поступила в колледж Святого Христофора. Приехала туда и словно попала в сказку, в зачарованный город из стихов Теннисона. Кембридж показался ей поистине удивительным, просто волшебным... Мариана твердо уверилась, что именно здесь, в этом чудесном месте, она встретит ЕГО. Найдет свою любовь.

В действительности Кембридж, конечно же, был никаким не сказочным, а самым обыкновенным городом. И, как Мариана выяснила во время сеансов психотерапии, ее мечты оставались всего лишь пустыми фантазиями, поскольку сама она не изменилась. В школе, не вписавшись в коллектив, она одиноко и неприкаянно, как привидение, слонялась на переменах по коридорам и в итоге оказывалась в библиотеке – там, где ей было хорошо и спокойно, словно в надежном убежище. И после, поступив в колледж Святого Христофора, вела себя точно так же: проводила бо?льшую часть времени в компании книг. Ее немногочисленные университетские подруги были такими же застенчивыми библиофилками. Мариана не приглянулась ни одному из однокурсников, и никто не звал ее на свидание. Может, просто считали ее дурнушкой? Мариана больше походила не на маму, а на отца: такие же темные волосы и выразительные карие глаза. Позже Себастьян не уставал твердить, что она красавица, но, к сожалению, в глубине души Мариана в этом сомневалась. Подозревала, что если и стала симпатичной, то лишь благодаря мужу: в лучах его любви она буквально расцвела.

До встречи с Себастьяном, будучи подростком, Мариана стеснялась своей внешности. Положение усугублялось тем, что из-за плохого зрения она с десяти лет вынуждена была носить уродливые очки с толстыми стеклами. В пятнадцать Мариана перешла на контактные линзы и надеялась, что будет выглядеть и ощущать себя иначе. Она подолгу напряженно таращилась в зеркало, стараясь получше себя рассмотреть, но все равно оставалась недовольна собственным отражением. Интуитивно она догадывалась, что привлекательность во многом зависит от внутренней уверенности в себе, которой ей явно не хватало.

Тем не менее Мариана, подобно своим любимым книжным героям, верила в любовь и даже в конце второго семестра не теряла надежды.

Она, как Золушка, ждала бала.

Местом его проведения выбрали располагающийся позади Кембриджского университета парк с редкими деревьями. Между университетскими корпусами и

рекой установили шатры с угощением и напитками. Звучала музыка. Студенты колледжа Святого Христофора беззаботно танцевали.

Мариана договорилась встретиться на вечере с подругами, но не смогла найти их в толпе. Ей едва хватило храбрости прийти на бал, и теперь она жалела, что не осталась дома. Одинокó стояла у реки, чувствуя себя не в своей тарелке среди раскованных девушек в изысканных бальных платьях и парней в смокингах.

Мариана понимала, что на фоне всеобщего веселья ее грусть и робость неуместны. Она опять очутилась в стороне от происходящего, в отчуждении – и тут ей самое место. Зря она надеялась, что в этот раз все будет иначе. Мариана уже хотела сдаться и вернуться в общежитие, как вдруг позади раздались громкий всплеск, смех и возгласы.

Она оглянулась. Рядом какие-то парни дурачились на привязанных весельных лодках и плоскодонках, и один из них, потеряв равновесие, свалился в реку.

Побарахтавшись в воде, молодой человек подплыл к берегу и вылез на траву. Мариана внимательно за ним наблюдала. Он был похож на мистическое водное создание, на прекрасного полубога. Высокий, мускулистый, он выглядел не мальчиком, а мужчиной, хотя в то время ему было всего девятнадцать. Мокрые брюки и рубашка плотно облепили сильное тело, светлые волосы упали на лицо, загородив обзор.

Парень откинул со лба прилипшие пряди – и заметил Мариану.

В тот миг, когда они впервые увидели друг друга, время будто замедлилось, растянулось – и остановилось. Мариана замерла под его пристальным взглядом как замороженная, не в силах отвести глаз. Возникло странное ощущение, словно она давно знала этого человека, была ему близким другом, но не могла вспомнить, когда они общались в последний раз.

Не обращая внимания на насмешки приятелей, парень, заинтересованно улыбнувшись, уверенно направился к Мариане.

– Привет! Я Себастьян.

Все решилось в одну секунду.

У греков есть такое выражение: «Это было записано». В случае Марианы и Себастьяна оно означает, что с того момента их судьбы соединились и тесно переплелись. Позже Мариана часто пыталась восстановить в памяти подробности той встречи: о чем они говорили, сколько танцевали, когда решились на поцелуй. Однако, вопреки ее усилиям, воспоминания ускользали, словно песок сквозь пальцы. Она помнила только, как они целовались на рассвете.

С тех пор Мариана и Себастьян были неразлучны.

То лето они провели в Кембридже, в объятиях друг друга, вдали от остального мира. В этом месте, не тронутым течением времени, всегда было ясно и солнечно. Целых три месяца Мариана и Себастьян занимались любовью, устраивали в парке за университетом пикники с алкоголем, катались на лодке, проплывая под каменными мостами, мимо растущих по берегам ив и пастбищ, по которым разгуливали коровы. Погружая шест в реку, Себастьян отталкивался от дна, и плоскодонка продвигалась вперед, а слегка опьяневшая Мариана окунала в воду руку и любовалась скользящими по речной глади лебедями. В то время она еще не осознавала, как глубоки ее чувства к Себастьяну, что она никогда его не разлюбит. Мариана и Себастьян слились воедино, словно две капли ртути.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев: стихотворный перевод Е. Пальвановой.

2

Речь идет о героях комедии Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой». – Здесь и далее прим. пер.

Купить: https://telnovel.com/mihaelides_aleks/devy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)